

**СЕРГЕЙ
ВОЛКОВ**

ГО-ХАНЭ,
САН-КОУО

Сергей Волков

Го-ханэ, сан-коуо

«Автор»

Волков С. Ю.

Го-ханэ, сан-коуо / С. Ю. Волков — «Автор»,

«Пять цветков. Пяти слов – совершенство», – неожиданно сказал кто-то в голове Дино голосом лисенка Обо. Это не было хайку. Это не было танку. Это не было похоже на творения великого Кобояси Исса. Это было его, Дино Онага, личное, выстраданное и омытое кровью. Пять цветков. Го-ханэ...

© Волков С. Ю.

© Автор

Сергей Волков

Го-ханэ, сан-коуо

Ночной Токио удивляет. Днем бестолковый и удивительно шумный, ночью он словно замирает в оцепенении, покрываясь неким прозрачным покрывалом, сквозь которое светятся мириады разноцветных огней. Внизу, в извилистых ущельях улиц, скользят огоньки автомобильных фар, то там, то тут вспыхивают призрачным светом рекламные сполохи. Город жив, но жизнь эта иллюзорна. Она так же обманчива, как голографическое изображение, она так же хрупка, как трубки неоновых ламп...

Дино ночной город всегда напоминал огромное морское животное, каракатицу или, скорее, глубоководного кальмара. Медленно и величаво скользит он среди полного мрака, и под стеклянной кожей его играет всеми цветами радуги холодная светящаяся кровь...

Смешно – кальмар никогда не видел радуги, а цвета у него те же...

Токийская башня – отличное место для наблюдений за ночным городом. Именно поэтому Дино и разместил здесь, на высоте трехсот метров, свою студию, свой штаб и убежище.

Маслянистые отблески и лучи прожекторов слева – это Токийский залив, бухта Синагава, а за нею даль тонет в чернильном мраке. Там тихо и мощно дышит спящий океан.

Справа, далеко-далеко, льдисто поблескивает отраженным лунным светом острый сосок Фудзи. Дино всегда поражался – как это нихондзинам не пришло в голову сравнить свою обожаемую Фудзи с девичьей грудью. Видимо, для истинного японца это звучит кощунственно...

Мысли о Фудзи разозлили Дино. Настроение стремительно портилось. Он отошел от огромного панорамного окна, сел в кресло, подхватил бокал с вином, глотнул... Нет, все, вечер пропал! Пропал, провалился, улетел в тартарары, был пожран злобными демонами и раздавлен хвостом гигантского кита Сё...

Свет в студии включался по голосовой команде, но Дино встал и пошел к выключателю – не хотелось нарушать тишину, обволакивающую его со всех сторон защитной невидимой оболочкой.

Панель выключателя тихонько зазвенела под пальцами, и разом вспыхнули сотни разнообразных ламп, заливая круглое помещение студии потоками света. Дино привычно зажмурился, представив, что со стороны, скажем, из квартала Эдогава, пробуждение студии ото сна напоминает восход небольшого солнца над ночным городом.

Яркий, слепящий свет заливал теперь все вокруг. Для тени, для сумрака не осталось ни единого уголка, ни одной лазейки. Тьма не могла спрятаться даже в ящиках столов – там тоже горели сейчас яркие галогенные лампы.

Так должно быть: либо тьма везде и всюду, либо свет, но тоже – везде, в каждой щелке. Это честно.

Это креативно.

Это придумал Дино...

Двадцать лет назад, вот в такой же декабрьский день, день своего появления на свет, пятнадцатилетний Дино Онага сидел на белом татами посреди крохотной комнатки, которую мать снимала у господина Йоки, и зажмурив глаза, готовился совершить сепуко.

Меч, короткий вакидзаси, Дино купил накануне в лавке старика Умидо, что возле полицейского участка. Конечно, это был не настоящий самурайский вакидзаси, а новодел, игрушка для туристов, сляпанная из мягкого железа. Неведомый умелец, однако, соблюл все правила – сымитировал проковку клинка, оплел рукоять полосками акульей кожи и заточил лезвие так,

что старый чулок матери Дино, положенный на меч, почти самостоятельно распался на две половины. У рукояти красовалось клеймо – косое «Н», символ смерти, – явное подражание великому мастеру Мурамасе, чьи клинки, как гласила легенда, приносили несчастье их обладателям. Дино несколько лет изучал обычаи и жизнь самураев и хорошо знал, какой меч лучше всего подходит для сепуко...

Впрочем, родился Дино в средние века, он никогда бы не смог взять в руки оружие самураев. Возможно, европеец и не отличил бы Дино от любого другого ниходзина, но вся беда в том, что Дино ниходзином не был. В его жилах текла кровь айну, а это значит, что даже в XXI веке он оставался отверженным, «человеком грязной миски».

Япония – страна традиций, в сегодняшнем мире это знает всякий. Есть забавные традиции – есть палочками, почитать старших, кланяться, произнося «Охаё!» [«Доброе утро!»] или «Гэнки дэс!» [«Спасибо, все хорошо!»]. А есть страшные традиции, и одна из них – не считать айну настоящими людьми...

Айну жили на островах Японского архипелага задолго до того, как с запада сюда пришли предки тех, кто потом назвал себя ниходзинами. Пришельцы быстро вытеснили миролюбивых косматых дикарей с побережий и долин, заселяя остров за островом. Айну вымирали, оказавшись отрезанными от моря, которое давало им пищу. Постепенно остатки древнего народа растворились среди воинственных ниходзинов, и ныне язык и обычаи айну остались лишь в книгах да музеях...

У Дино не было отца. И у его матери не было отца. И у матери его матери. И у прабабушки. Ни один ниходзин никогда не признался бы, что его жена – айну, и не дал бы своей фамилии ребенку, рожденному айну. «Волосатые обезьяны, убирайтесь на Хоккайдо!», – так говорят ниходзины, щуря глаза в презрительной улыбке. Но это всего лишь присказка. Хоккайдо – тоже японский остров...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.